

Дубовик Андрей.

АНАРХИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В УКРАИНЕ В 1920-1930-Х ГГ. КОНТУРЫ ИСТОРИИ.

Источник: [здесь](#)

В истории оппозиционных большевистскому режиму социалистических течений период после окончания Гражданской войны до сих пор во многом остается белым пятном. Очевидно, такое положение вызвано крайне бедным количеством доступных для исследования источников: огромные (не сомневаемся) массивы архивных дел, хранящиеся в закромах наследников ОГПУ-НКВД, остаются почти недоступными для сколько-нибудь широкого круга историков; эмигрантские источники (периодические издания, мемуары, личная переписка и проч.) также слабо введены в научный оборот.

Изучение истории анархического движения не является в этом смысле исключением. Лишь в самое последнее время становится понятно, что представления советских и зарубежных историков об анархистах в СССР после 1921 не могут быть сведены к мрачной картине умирания и угасания движения, нарисованной в 1960-1980-х гг. такими авторами, как С. Канев, В. Комин, американский историк П. Аврич и др. В действительности, анархисты продолжали активную деятельность на протяжении всех 1920-х и даже в 1930-х гг., и, по личному впечатлению автора, по размаху и массовости это движение иногда даже превосходило анархизм более ранних периодов, например, времени между двумя российскими революциями.

Создание подлинной истории антибольшевистского социалистического движения в СССР – дело будущего. В настоящей статье мы попытаемся сделать лишь самые общие наброски, штрихи, контуры истории анархизма в советской Украине, - контуры, которые со временем обязательно будут заполнены более подробными и точными исследованиями.

* * *

В представлении обывателя и даже довольно многих историков, анархизм в Украине времен гражданской войны сводится прежде всего к махновскому движению. Такое представление в целом некорректно, но именно с махновского движения мы и начнем свой обзор. Сделать это будет тем более интересно, что принято считать, будто с уходом самого Н. И. Махно из Украины в Румынию, «анархо-махновское» повстанческое движение прекратило существование, - сразу или, по крайней мере, в ближайшие несколько месяцев.

В действительности, в 1922-1923 гг. на Левобережье, Юге и Востоке Украины продолжали действовать отдельные махновские отряды и подпольные группы. Размах и результаты их деятельности, конечно, были уже не сравнимы с периодом 1921 года, а в сводках органов по борьбе с бандитизмом чаще всего говорится о разгромах и ликвидациих махновцев. Так, в январе 1922 г. Истребительный отряд Богучарского полка в результате двух боев в Старобельском уезде разбил повстанческий отряд Зайцева (свыше 70 бойцов); сам Зайцев был убит. В том же месяце в селе Возвиженка Гуляй-Польского уезда была арестована подпольная махновская группа из 11 человек, а ее лидер Кулиниченко убит при попытке бегства. В феврале в Криворожском уезде была уничтожена повстанческая группа Иванова (120 человек), на Полтавщине сдался отряд Лонцова (200 человек). В марте в Гуляй-Польском уезде был разбит и уничтожен повстанческий отряд, состоявший из 134 ранее амнистированных махновцев, а в начале мая в бою разбит повстанческий отряд Бойко.

Тем не менее, в махновско-повстанческом движении этого периода отмечаются не одни лишь разгромы. Весной 1922 г. повстанческий отряд Данилова провел серию нападений и ограблений поездов на участке железной дороги Пологи - Чаплино; на Волыни рейдировала кавалерийская группа махновцев (30-50 человек), которая, по данным советской разведки, пришла в Украину из Румынии. Помимо более или менее активных партизанских действий, налетов, распространения листовок, отмечаются даже возникновения новых партизанских отрядов, как, например, в Геническом уезде, где в апреле 1922 г. под руководством бывшего начальника уездной милиции возник новый махновский отряд, насчитывавший 32 человека.

Можно было бы привести еще немало подобных фактов. Но дело сейчас не в количестве таких фактов и их скрупулезном перечислении. Главное, что «махновщина после Махно» есть историческая реальность, требующая изучения.

Более того, необходимо признать, что вопрос о времени окончания махновского повстанчества требует дальнейшего выяснения, поскольку имеющиеся в историческом обороте документы не дают на него однозначного ответа. Так, в сводке Разведуправления вооруженных сил УССР от 14 июля 1922 г. отмечается, что на территории Донецкой, Екатеринославской, Запорожской и Черниговской губерний «банд не обнаружено», - а в марте следующего, 1923 года, только на территории Мелитопольского уезда фиксируется целых три действующих махновских отряда (Криворотько, Козакова и Кизилева), общей численностью свыше 30 человек.

Другой пример. Циркуляр Постоянного Совещания по борьбе с бандитизмом при СНК УССР от 14 декабря 1922 г. отмечает вырождение политического бандитизма в уголовный. - Но через полгода, 23 мая 1923 г., директива командующего войсками Украинского военного

округа и ГПУ УССР указывает, что «многие кулацкие банды действуют под видом уголовных». – Т.е., как видим, отмечается не просто наличие политических «кулацких банд», но и то, что их «много».

В декабре 1924 г. ГПУ УССР, выполняя требование союзного совнаркома, приняло решение в течении следующего, 1925 года, «разгромить остатки партизанско-бандитских групп» в Украине. Для этого в ряде округов должны были быть организованы ударные группы ГПУ по борьбе с бандитизмом, которые обязали составить к январю 1925 г. оперативные планы по ликвидации банд и иметь точные сведения об их связях, базах, численности и вооружении.

Впрочем, в середине 1920-х гг. махновское повстанчество действительно представляло собой лишь «остатки» прежнего массового движения, погибая под ударами карателей и разлагаясь в обстановке изоляции на все более мелкие отряды и банды. В отличии от него, чисто анархическое движение, охватывавшее преимущественно города, в это время набирает новый размах. К его истории мы и переходим.

Судя по доступным на сегодня материалам, 1922 год был последним годом легальной практической деятельности российских и украинских анархо-синдикалистов, - практической именно в синдикалистском смысле этого слова, т.е. проходившей в рамках организованного рабочего движения, в профсоюзных и фабрично-заводских структурах.

Так, к началу 1922 г. анархо-синдикалисты Екатеринослава все еще входили в правление городского Союза пищевиков, но в конце марта этого года были «удалены» из него решением губернского съезда Союза.

Анархо-синдикалисты вплоть до осени 1922 г. входили в состав руководящих органов местных профсоюзов угольщиков и в рудничные комитеты в целом ряде городов и поселков Донбасса, - там, где с лета 1917 г. распространялись идеи и организационные принципы американской синдикалистской организации «Индустриальные Рабочие Мира». Среди этих городов можно назвать Юзово (Донецк), Луганск, Горловка и др.

Анархисты (видимо, уже не только синдикалисты) в 1922 г. вели свою деятельность, в т.ч. и легальную, и в других городах и регионах Украины: в Киеве, Одессе, Полтаве, Севастополе, Елизаветграде, Николаеве и др.

Но важнейшим центром анархического движения Украины начала 1920-х гг., как и во время гражданской войны, оставался Харьков.

Несмотря на массовые аресты ноября-декабря 1922 г., - аресты, проведенные ГПУ по всей территории СССР против анархистов и социалистов, и фактически ликвидировавшие сохранявшиеся до этого времени легальные анархические организации, как, например, Всероссийская Секция Анархо-Универсалистов, - харьковским анархистам уже в 1923 г. удалось возобновить свою работу.

В начале года несколько харьковских анархических кружков восстановили общегородскую организацию на прежней платформе Конфедерации Анархистов Украины (КАУ) «Набат». Анархисты действовали на ряде крупных промышленных предприятий, среди которых

нужно назвать прежде всего паровозостроительный завод и железнодорожное депо, завод ВЭК, - в т.ч. участвуя в работе профсоюзов. В Технологическом институте была организована студенческая группа, во главе которой встали недавно освобожденный по амнистии из камеры смертников Александр Володарский и молодой анархист Борис Немирецкий (который вел также нелегальную деятельность среди служащих Центрархива, где работал). Только что освободившийся после трехлетнего пребывания в политизоляторе старый анархист, отбывший еще царскую каторгу Авенир Урядов поступил работать вагонновожатым, и начал активную агитационно-пропагандистскую деятельность среди рабочих и служащих Харьковского трамвайного депо. Среди кустарей, объединенных советской властью в артели, работали старые анархисты Петр Захаров (член правления промкооперации) и Григорий Цесник.

В 1923-1924 гг. харьковские набатовцы с успехом вели анархическую агитацию среди разных перечисленных категорий трудящихся, привлекая на свою сторону как молодежь, так и старых рабочих. Группа издавала гектографические листовки и намеревалась организовать подпольную типографию. С этой целью бывший лидер Елизаветградской группы анархической молодежи Иуда Рейдман поступил работать в типографию, - но выполнить свою задачу не сумел, не достав шрифт.

Харьковская группа включала в свой состав не только ветеранов движения, прошедших царские тюрьмы и перипетии гражданской войны, - она пополнялась и новым поколением анархистов. Так, арестованный в марте 1925 г. за принадлежность к «анархо-подполью» бухгалтер-экономист Харьковского ликеро-водочного завода Григорий Дьяков вступил в группу в 1923 г. в возрасте 20 лет.

Харьковская группа была связана с анархическим подпольем в целом ряде других городов (Киев, Екатеринослав, Николаев, Донбасс и др.), а также - надо добавить, - с левыми с.-р. и максималистами (связь с ними поддерживалась через известного деятеля ПЛСР В. Трутовского, который, проживая в 1925-1926 гг. в ссылке в Полтаве, руководил подпольной деятельностью украинских левых с.-р. и, как и многие его однопартийцы, совершал вполне определенную эволюцию в сторону анархо-синдикализма, признавая идеалом левых с.-р. «федерацию производителей и потребителей без государства»).

Украинские анархисты действовали даже в небольших провинциальных городах, -

так, например, в Черниговской губернии существовал «Клинцевский союз анархистов-синдикалистов». После того, как в 1921 г. Союз и его организации (клуб и библиотека) были закрыты властями, он продолжил действовать нелегально, проводя собрания и наладив агитацию среди рабочих и молодежи; член Союза Хаим Ванинский осуществлял связи с заграничным Секретариатом «Российской конфедерации анархистов-синдикалистов» (РКАС) и московскими анархо-коммунистами.

Наибольшее (после Харькова) значение среди городов, в которых продолжалась деятельность анархистов, имела, видимо, Одесса, - старый, существовавший с 1904 г., центр анархической активности в Украине. Согласно показаниям известного махновца и анархиста-«набатовца» В. Ф. Белаша (данным в 1937), Одесская группа через легендарную

«бабушку» украинского и российского анархизма Ольгу Таратута (которая освободилась из северной ссылки в начале 1924 г.) организовала нелегальный канал через советско-польскую границу в районе Ровно. Используя этот «коридор», анархисты доставляли в СССР литературу, переправляли курьеров на Запад и в СССР и проч. Ровенским «коридором» пользовались анархисты разных городов: эмигрантская литература доставлялась не только в Украину, но также в Москву, Ленинград, Курск, Поволжье и т.д. Один из активистов харьковского «Набата», Померанец, переходил границу неоднократно, поддерживая постоянные связи с Секретариатом РКАС в Берлине и с анархо-махновскими центрами в Варшаве и Бухаресте.

Восстановление межгородских связей и активизация анархического подполья позволили поставить вопрос о проведении съезда украинских анархистов, - первого после сентября 1920 г. Харьковская группа запланировала съезд на август 1924 г., но обстоятельства сложились против этих планов.

Еще с конца 1923 г. и в первой половине 1924 г. харьковские «набатовцы» сумели организовать и возглавить несколько экономических стачек на заводах и в железнодорожных мастерских, во время которых использовались формы не только классических, но и «итальянских» стачек («волынки»). Требованиями этих выступлений рабочих, как правило, были актуальные в обстановке нэпа лозунги снижения норм выработки или отказ от их повышения, - чего в большинстве случаев и удавалось добиться.

Однако, подъем стачечной волны и рост анархического движения были остановлены репрессиями ГПУ. Еще весной 1924 г. прошли аресты подпольных анархических групп в Юзово (ее лидер Отто Ретовский с этого времени постоянно находился в тюрьмах и ссылках), Полтаве (здесь была ликвидирована группа во главе с бывшим махновским командиром Д. Божко), Клинцы. В августе 1924 г. одновременные аресты анархистов подорвали работу подполья в Харькове, Киеве, Екатеринославе. До конца года только в Харькове было арестовано по обвинению в активной анархо-подпольной деятельности свыше 70 человек. Наиболее активную часть их решениями Коллегии ОГПУ приговорили к заключению в Соловецкий лагерь особого назначения или в политизоляторы, остальные пошли в ссылку либо получили ограниченное места жительства («минусы»).

Аресты продолжались и позже. В феврале 1925 г. циркуляр ГПУ УССР сообщал, что органами ГПУ установлены связанные между собой подпольные группы анархистов и махновцев в Днепропетровске, Белой Церкви, Новгород-Волынске, Мариуполе, Бердянске. – Очевидно, все эти группы были ликвидированы к моменту составления циркуляра.

После прошедших в 1924 г. арестов, в середине и конце 1920-х гг. в Харькове по-прежнему оставалась нелегальная анархическая группа, хотя ее пропагандистская работа теперь проходила в меньших размерах. Анархисты сумели сохранить связи с эмигрантскими центрами, вели устную агитацию среди рабочих и служащих, собирали в фонд «Анархического Черного Креста» деньги для сосланных товарищей.

К нелегальной деятельности переходили анархисты, освобождавшиеся после многолетнего заключения, длившегося иногда со времени гражданской войны. Например, в конце 1925 г.

из харьковской тюрьмы ГПУ освобожден уже упоминавшийся В. Белаш, который сразу восстановил членство в подпольной КАУ. По поручению Харьковской группы, в 1926-1927 гг. он совершил объезд махновского региона, имея целью установить связи с бывшими повстанцами, обнаружить и связать с Харьковом подпольные группы.

Необходимо отметить, что внимание на бывших махновцев в середине 1920-х гг. вновь обратили и карательные органы. Так, в июне 1926 г. ГПУ УССР выпустило совершенно секретный циркуляр «О махновцах». В нем, в частности, указывалось, что «Махно возобновляет свои попытки идейного руководства над кулацкими элементами села», в связи с чем перед органами ГПУ ставилась задача выявления бывших махновцев и осуществление контроля за ними, особенно в тех районах, где в 1919-1921 гг. действовала Революционная Повстанческая Армия Украины (РПАУ).

Выполняя поручение, Белаш в течение 1927 г. связался с махновцами Гуляй-Поля. Их лидерами здесь были братья Влас и Василий Шаровские; интересно, что Василий Шаровский в это время был анархистом по убеждениям, хотя и стал кандидатом в члены компартии и членом местного Совета, - хотя во время расцвета махновского движения сначала принадлежал к Украинской ПСР, а затем перешел в сочувствующие большевикам. Бывшие махновцы Гуляй-Поля проводили изредка собрания, кое-кто «воспитывал анархо-махновскую молодежь» (как один из братьев Чубенко в Новониколаевке), пытались создавать коммуны и артели. Самой успешной из них в хозяйственном отношении являлась коммуна «Авангард» в селе Басань Пологовского района Днепропетровской области. Коммуны бывших повстанцев существовали также в греческом селе Керменчик, Большая Янисоль, Константиновка, в районе Гришино. Однако, по свидетельству Белаша, их развитию и особенно возобновлению анархической деятельности мешали отсутствие людей, способных к организационной и пропагандистской работе, бытовое разложение и омещанивание членов коммун. Больше того, часть коммунаров из махновцев постепенно превращалась в большевиков. Анархической работе мешало также то, что, чувствуя внимание к себе со стороны «органов» и опасаясь провокаций ГПУ, бывшие махновцы зачастую просто не доверяли друг другу, - как и неожиданно объявившемуся в их регионе Белашу.

Среди анархистов, проявивших недоверие к Белашу во время его поездки, стала группа под руководством известного махновского командира Авраама Буданова. Освободившись по амнистии в конце 1923 г., Буданов поселился в Мариуполе и к середине 1920-х гг. организовал и возглавил подпольную группу, которая вела анархическую агитацию среди мариупольских рабочих и крестьян ближайших сел, распространяла гектографические листовки. Встретившись с Белашом, Буданов старательно показывал свое разочарование в политической деятельности, хотя и интересовался состоянием дел в харьковской организации; этой «конспиративной хитростью» Белаш был введен в заблуждение, - как оказалось в ближайшее время, совершенно напрасно.

По данным ОГПУ СССР, в связи с началом сплошной коллективизации в 1928 г., группа Буданова намеревалась перейти от агитационно-пропагандистской работы к организации крестьянских анархических партизанских отрядов, и с этой целью собирала оружие. Незадолго до (якобы) назначенного восстания, в конце 1928 г., группа была арестована,

обыски у ее членов обнаружили припрятанное оружие. По приговору ГПУ, Буданов и еще один активный бывший махновец, Пантелеймон Белочуб, были расстреляны. (Любопытно, что во время махновщины Белочуб характеризовался как анархист «с советским уклоном», имел какое-то не очень понятное отношение к большевистскому заговору Е. Полонского, а в начале 1921 г. дезертировал из РПАУ и сдался под амнистию)

Похожая тщательно законспирированная подпольная группа действовала тогда же в Межевском районе Днепропетровской области. Руководил ею освободившийся по амнистии левый с.-р. и анархист Иван Чернокнижный, бывший председатель махновского Реввоенсовета. В том же 1928 г. ГПУ арестовало семь членов группы Чернокнижного, причем были изъяты 17 бомб, 10 винтовок, 1340 патронов и другое оружие. Сведений о связи между группами Буданова и Чернокнижного, к сожалению, не имеется.

Сведения об арестах анархо-махновских групп в Мариуполе, Межевском районе, а также в Одессе содержатся в декабрьском 1928 г. информационно-циркулярном письме № 34 ОГПУ «Об анархистах». Письмо требовало обратить особое внимание органов на борьбу с «остатками анархо-махновщины». Среди конкретных мер предлагались систематическая работа по выявлению бывших кадров РПАУ и их антисоветской деятельности в настоящее время, по аресту анархо-кулацких групп на селе. В письме также сообщалось, что всего за 1928 год в Украине было арестовано 23 анархиста и 21 махновец.

Говоря об анархо-махновском подполье, нельзя не отметить попытки заграничных махновских центров активизировать деятельность своих единомышленников в УССР. Собственно, таких центров в описываемое время (конец 1920-х) было два: в Париже вокруг Махно и в Бухаресте во главе с бывшим начальником артиллерии РПАУ В. Даниловым. Именно Бухарестский центр, ввиду его близости к Украине, проявлял особую активность, осуществляя засылку на советскую территорию своих агентов. Так, в сентябре 1928 г. советско-румынскую границу перешли бывшие рядовые махновцы Фома Куц и Константин Чуприна, которые по поручению Бухарестского центра махновской эмиграции посетили Одессу и Гуляй-Поле, устанавливая связи с бывшими махновцами и подпольными группами анархистов. Выполнив поручение, оба махновских агента благополучно вернулись в Румынию. В 1929 г. Куц и Чуприна снова нелегально прибыли в Одесскую область для связи с махновским подпольем, а также, якобы, для организации повстанческих отрядов из крестьян, недовольных коллективизацией. На обратном пути оба они были арестованы ОГПУ и перевербованы. – Хотя «перевербованный» Куц, вернувшись в Румынию, сообщил товарищам по эмиграции о своих отношениях с ОГПУ и позже вел двойную игру по дезинформации советских спецслужб.

Помимо анархо-махновского подполья информации об анархистах конца 1920-х сравнительно мало.

К 1927 г. относится «одиночное» дело анархиста Ноя Варшавского. Варшавский сочувствовал анархистам с 1911 г., но сколько-нибудь активного участия в анархическом движении ранее не принимал. К 1927 г. он работал заместителем заведующего отдела охраны труда ЦК профсоюза химической промышленности. Летом 1927 г. был в Москве, где участвовал в собраниях старых анархистов, - видимо, тогда же он попал в поле зрения ОГПУ.

А 27 августа 1927 г. Варшавский был арестован на вокзале Одессы сразу после посещения им Ольги Таратуты. При аресте были изъяты 8 экземпляров написанной рукой Варшавского листовки в защиту американских анархистов Сакко и Ванцетти. Листовка содержала протест против злоупотребления советской власти имен Сакко и Ванцетти, в то время, как реалии самой Советской России породила тысячи таких же мучеников-анархистов. После четырехмесячного следствия, на котором Варшавский всю вину брал на себя одного, всячески выгораживая московских анархистов и Таратуту, в декабре 1927 г. ОСО Коллегии ОГПУ приговорило его к 3 годам политизолятора.

К этому же году относится сомнительная информация о сотрудничестве анархистов Днепропетровска с «левой оппозицией»: якобы, анархисты и троцкисты пытались вызвать стачки на заводах и среди железнодорожников.

К рубежу 1928-1929 гг. относится попытка активизации деятельности анархистов Одессы. Под видом празднования Нового года они собрались на конференцию, но были арестованы ГПУ. Было взято около 20 человек, в т.ч. известные со времен гражданской войны и даже с царских времен активисты Арон Вайнштейн, Абрам Вулис, Лев и Абрам Рабиновичи, Берта Тубисман, молодые студенты и рабочие Лев Вайнберг, Яков и Арон Гексельман, Лазарь Рабинович и др.

Весной-летом 1929 г., в обстановке начавшей сплошной коллективизации, были разогнаны упоминавшиеся выше коммуны бывших махновцев; входивших в них явных анархистов, таких как братья Шаровские, Чучко, М. Подкова, выслали из Украины, сами коммуны были преобразованы в колхозы и совхозы.

Всего, по данным ОГПУ, за первое полугодие 1929 г. в УССР было арестовано 62 анархиста и 40 махновцев.

К лету 1929 г. относится попытка распространить на Украину деятельность сторонников известной в анархических кругах «Платформы» П. Аршинова и Н. Махно. К этому времени в Москве сложилась группа, состоявшая из старых анархистов, которые работали над организацией «Союза рабочих анархистов». Группы, связанные с Союзом, удалось организовать в ряде городов Европейской России, Урала и Сибири. А летом 1929 г. «ярый «аршиновец» и опытный подпольщик», как его характеризовали товарищи, Давид Скиталец по поручению Союза выезжал на юг, т.е. в портовые города Украины и Крыма, где ему удалось установить связи с моряками Черноморского флота. Через этих моряков московский «центр» восстановил свои связи с анархической эмиграцией и наладил регулярную доставку в СССР парижского журнала «Дело Труда». Нелишне отметить, что Скиталец занимался точно такой же деятельностью за 18 лет до этого, будучи одним из лидеров «Союза черноморских моряков». К концу 1929 г. «Союз рабочих анархистов» был разгромлен НКВД, и, видимо, его черноморский филиал тоже.

Тем временем, в 1930 г. активизировалась деятельность анархистов в Харькове. Главную роль в этом оживлении сыграло возвращение многих ранее арестованных активистов, у которых закончились сроки ссылки. По инициативе Павла Захарова харьковские анархисты снова объединились в организацию с «набатовскими» программой и названием. В

организацию входили Григорий Цесник, Авенир Урядов, Ревека Ярошевская (принадлежавшая еще к Белостокской группе анархистов в 1903 году) и другие опытные подпольщики, пропагандисты и организаторы.

По свидетельству Белаша, больше всего в начале 1930-х харьковских анархистов интересовали и возмущали проблемы коллективизации и последовавшего за ней голода. В этой связи ими обсуждались перспективы постановки массовой подпольной печати, используя которую предполагалось развернуть массовое сопротивление буквально людоедской политике власти. Однако для создания подпольной типографии требовались деньги, которых не было. Григорий Цесник, апеллируя к дореволюционному опыту (в т.ч. и собственному), предлагал провести ограбление («экспроприацию») банка, но не был поддержан; собрание харьковских «набатовцев» решило собрать требуемые на постановку печати средства за счет работы своей артели по производству керамических изделий, а также коммуны старых анархистов и с.-ров (членов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев) в поселке Мерефа близ Харькова.

В течение 1930 и 1931 гг. Харьковской группе удалось восстановить связи с анархистами в Москве и в городах Украины. Среди них были:

- Елизаветград, - группа анархо-синдикалистов, созданная «Ваней Черным» и другими выходцами из Николаева, только что освободившимися из ссылки и поселившимися в Николаеве,

- Днепропетровск, - здесь еще в 1928 г. начал воссоздание группы паровозный машинист Леонид Лебедев, раненый в 1923 г. во время знаменитого соловецкого расстрела; группа под его руководством вновь пыталась инициировать рабочие забастовки,

- Симферополь, в котором поселились освободившиеся из ссылки активные анархисты начала 1920-х гг. Борис и Любовь Немирецкие,

- Киев, куда вернулся также освободившийся из ссылки в 1930 г. Липовецкий,

- а также Воронеж, Брянск и Орел, где оказались жившие в ссылке или с ограничением места жительства украинские анархисты-«набатовцы», в т.ч. многолетний лидер и идеолог КАУ Арон Барон.

Видимо, не имели связей с «набатовской» сетью относительно небольшие группы анархистов в других городах Украины, не упомянутые в показаниях Белаша, но установленные по архивным материалам и другим источникам.

В 1930 г. началась анархическая деятельность 17-летнего запорожского рабочего-металлурга Игоря Брешкова. С анархизмом он познакомился через своего ровесника, московского анархо-мистика Иосифа Иоффе. В 1930-1932 гг. Брешков получал из Москвы нелегальную анархическую литературу и пытался ее распространять, - в связи с чем был арестован 5 декабря 1932 г. и вскоре приговорен к 3 годам лагерей.

В том же 1932 г. был арестован кружок анархо-синдикалистов в Черкассах, организованный молодым рабочим Дмитрием Абламским. Кружок распространял антисоветские листовки, его лидер получил уже 5 лет лагерей.

В 1933-1934 гг. пытались вести нелегальную работу поселившиеся после освобождения из ссылки в Симферополе известные старые петроградские анархо-синдикалисты Петр Герасимчук и его жена Лидия Аксенова. Они вели конспиративную переписку с московскими анархистами, обсуждая перспективы воссоздания в СССР анархического движения. Оценив эти перспективы как полностью отсутствующие вследствие полицейского террора, супруги решили бежать из Союза за границу, но были арестованы при подготовке к этому побегу в начале ноября 1934 г. Следствие обвинило их не только в антисоветской, но также и в террористической деятельности, в связи с чем обоим также дали нестандартные по тем временам 5 лет заключения в Соловецкий лагерь.

На 1934 г. харьковские анархисты запланировали провести съезд украинских «набатовских» групп и восстановление КАУ. Но ГПУ снова опередило их: 1 февраля 1934 г. прошли одновременные аресты связанных между собой анархических групп и кружков в Харькове, Орле, Воронеже, Брянске. В Харькове были арестованы несколько десятков человек, ликвидированы две трудовых артели анархистов. Однако, улик, видимо, оказалось недостаточно, и по решению «органов» лишь восемь лидеров группы были сосланы, а остальные освобождены под надзор.

Конечно, освобождены они были ненадолго. Уже в 1935 г. Харьков был «вычищен» от анархистов, которых одного за другим арестовывали и высылали. В этом же году, видимо, окончательно прекратились сборы и передачи в ссылку денежных средств Черного Креста.

К 1937 г. подавляющее большинство украинских анархистов находились за пределами республики, - в лагерях и политизоляторах, в ссылке в Сибири, на Севере или в Средней Азии. Вакханалия террора в УССР проходила в форме борьбы с «право-троцкистскими заговорщиками» или «буржуазным националистами», и по данным НКВД УССР, за весь 1937 год в Украине было арестовано лишь 23 анархиста. Среди них выделяется дело группы из 15 человек в Николаевской области, - возможно, реально существовавшей. Другие арестованные - это, скорее всего, чудом уцелевшие на свободе старые анархисты-одиночки, жившие в Донецкой области (два человека, в т.ч. анархист-махновец Иван Лепетченко), в Днепропетровске, Харькове, Киевской области (по одному чел.), и - в порядке курьеза? - три руководящих сотрудника НКВД УССР.

Наконец, в середине февраля 1938 г. в Гуляй-Поле и Днепропетровске были арестованы свыше 30 бывших активных анархо-махновцев, обвиненных в принадлежности к нелегальной организации «Гуляй-Польский военно-махновский контрреволюционный повстанческий полк», связях с украинским националистическим центром в Киеве, заграничным центром махновцев в Бухаресте и Центральной Анархической группой в Москве, вооруженной борьбе с советской властью, подготовке восстания, антисоветской агитации, подготовке террора и диверсий. Среди прочих были в очередной раз арестованы братья Шаровские (обвиненные в руководстве «полком»), Константин Чуприна, Назар Зуйченко. Постановлением Тройки УНКВД по Днепропетровской области от 25 апреля 1938

все они были приговорены к расстрелу.

Аналогичное дело в том же году возникло на хуторе Зеленый Гай Запорожской области, где были арестованы 22 бывших махновца. Семеро из них, в т.ч. бывший помощник начальника артиллерии РПАУ Д. Сипливый, были расстреляны по решению Тройки УНКВД по Запорожской области.

Были ли эти дела полностью выдуманы следствием или какие-то реальные факты подпольной деятельности все же имели место, - мы, скорее всего, уже никогда не узнаем...

Использованные источники:

Материалы научно-исследовательской группы «Российские социалисты и анархисты после октября 1917 г.» при НИПЦ «Мемориал» (Москва).

Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Киев. РВЦ «Проза». 1993.

Белый П.Ф., Дышлевой П.С. Единство действий в защите завоеваний революции. Боевое содружество трудящихся Украины и России в борьбе против кулачковой вооруженной контрреволюции (конец 1920 - 1922). Киев. 1988.

Беспечный Т.А., Букреева Т.Т. Правда и легенды о Несторе Махно. Донецк. 1996.

Боровик М.А. Анархістський рух в Україні у 1917-1921 рр. // Український історичний журнал. № 1. 1999.

Гонения на анархизм в Советской России. Берлин. 1922.

Екатеринославский пищевик. № 1. 05.01.1923.

Кучер О.О. Розгром зброїної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921-1923 рр. Харків. 1971.

Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия. Петрозаводск. Руди-Барс. 1994.

Орден российских тамплиеров. М. Минувшее. 2003. Т. 1-2.

Партия Левых Социалистов-Революционеров. Документы и материалы. Т. 1. Июль 1917 - май 1918. Под ред. Я. Леонтьева. М. РОССПЭН. 2000.

Політична і військова діяльність Нестора Махна. Матеріали науково-теоретичної конференції. Запоріжжя-Гуляйполя, 12-13 листопада 1998. Запоріжжє. 1998.

Рублев Д.И. История одной листовки и судьба анархиста Варшавского (из истории анархистского сопротивления тоталитаризму). // 30 октября. № 66. 2006.

Собственноручные показания Белаша Виктора Федоровича. – В кн.: Яруцкий Л.Д. Махно и махновцы. Мариуполь. 1995.

Presse-Dienst, herausgegeben vom Sekretariat der IAA. Berlin, 8. November 1930. Nr.12 (126).

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 сентября 2025 16:27:53

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 19 декабря 2025 07:28:43